

Ф. Ф. АРИСТОВ

ЛИТЕРАТУРНОЕ
РАЗВИТИЕ
ПОДКАРПАТСКОЙ
(УГОРСКОЙ)
РУСИ

1928 – Москва – 1995

Ф.Ф. Аристов

**ЛИТЕРАТУРНОЕ РАЗВИТИЕ
ПОДКАРПАТСКОЙ (УГОРСКОЙ)
РУСИ**

Книга подготовлена к изданию стараниями
Т.Ф. Аристовой и С.В. Шаралова

ОГЛАВЛЕНИЕ

Федор Федорович Аристов и карпаторусская проблема . . .	3
Вместо предисловия	12
I. ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКИЙ ПЕРИОД	13
II. ЛАТИНСКИЙ ПЕРИОД	13
Андрей Бачинский	13
Иоанникий Базилович	14
III. МАДЬЯРСКИЙ ПЕРИОД	14
Василий Довгович	14
Михаил Лучкай	14
УГРО-РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ, РАБОТАВШИЕ В РОССИИ	15
Иван Орлай	16
Михаил Балудьянский	20
Петр Лодий	21
Юрий Венелин	23
IV. РУССКИЙ ПЕРИОД	30
Александр Духнович	30
Андрей Попович	34
Иван Раковский	34
Иоанн Дулишкович	36
Адольф Добрянский-Сачуров	36
Александр Павлович	40
О. Анатолий Кралицкий	41
Иван Сильвай	42
Александр Митрак	43
Евгений Фенцик	43
Юлий Ставровский	45
Евмений Сабов	45
Приложение	50

Федор Федорович Аристов и карпаторусская проблема

На мои многолетние поиски трудов, корреспонденций, документов, иллюстраций, изъятых при обысках в 20-х и начале 30-х годов на квартире профессора Московского университета Федора Федоровича Аристова, я получила в сентябре 1993 года ответ только за 1931 год из дела, хранящегося в архиве Министерства безопасности в Москве: "Тюк с вещественными доказательствами уничтожен". Конфискация опубликованных и рукописных трудов означала для ученого смерть, к тому же в 1930 году он простился со старшим сыном Юрием — учащимся средней школы, отправленным из Бутырской тюрьмы в далекую ссылку за отстаивание идей отца — идей общерусского национально-культурного единства. А в 1931 году в Бутырской тюрьме сидел в последний раз сам Ф.Ф. Аристов. В настоящее время и ученый, и его сын посмертно реабилитированы.

Ф.Ф. Аристов (1888–1932) — самоотверженный, бескорыстный русский ученый, отдавший себя без остатка подвижническому служению дореволюционной и послереволюционной отечественной науке; основатель карпатоведения, специального научного направления, выделенного в славяноведении. Он родился 14 октября 1888 года в городе Варнавино Костромской губернии в семье заслуженного врача Ф.И. Аристова, профессора Военно-медицинской академии. В воспитании мальчика большую роль сыграла его старшая сестра Мария Федоровна, которая учила брата первым шагам в области русского языка и подготовила маленького Федю к поступлению в кадетский корпус, где он получил среднее образование. Высшее образование Ф.Ф. Аристов получил на экономическом отделении Московского коммерческого института и историко-филологическом факультете Московского университета.

В Первую мировую войну Федор Федорович Аристов пошел на фронт рядовым солдатом (добровольцем). Позже, став военным корреспондентом и имея возможность общаться с многими карпаторусскими деятелями, он значительно обогатил свои знания по карпатской проблеме. Демобилизовавшись уже после октябрьского переворота, Ф.Ф. Аристов всецело посвятил себя научной и преподавательской деятельности. Его перу принадлежит свыше 200 работ по славяноведению и около тысячи заметок, посвященных славяноведению и востоковедению. Жизнь его складывалась трагически: ему пришлось пережить репрессии, включая осуждение военным трибуналом к расстрелу в г. Феодосии, а также многочисленные обыски, доносы, конфискации трудов, тюрьмы и

Профессор Ф.Ф. Аристов в своем рабочем кабинете

допросы в НКВД. После октябрьского переворота Ф.Ф. Аристов длительное время не имел ни малейшего заработка, являясь единственным кормильцем семьи из 8 человек. Окончательно замученный чекистами, тяжело больной профессор скончался у себя на квартире 5 ноября 1932 года и был похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве. С тех пор в отечественной науке он оставался забытым, как и его ученики-последователи, погибшие либо в советских концлагерях, либо на фронтах Великой Отечественной войны. Таким образом была прервана нить в карпатоведении как самостоятельном научном направлении в России.

В наше время повышен интерес к трудам ученого по славяноведению и карпатоведению. Так, в 1977 году в США стараниями карпатороссов был переиздан первый том книги Ф.Ф. Аристова "Карпато-русские писатели", впервые опубликованный в Москве в 1916 году и удостоенный премии Академии Наук. Два последующих тома были сданы в типографию, набраны, но в печать уже, в вихре революционных событий, не поступили. Это исследование вызвало в свое время широкий отклик за рубежом, а сербский архимандрит посвятил автору немало очень теплых слов. Однако ученый не дожил до полного издания его бессмертного труда в защиту коренного русского населения Галицкой, Угорской и Буковинской Руси, называющегося также русичами, русинами, руснаками, карпатороссами и ведущими свое этногенетическое происхождение от общего корня Русь. Карпаты для Ф.Ф. Аристова были не просто территорией с коренным славянским населением, а прежде всего землей, населяемой единокровным России народом, о котором не было известно почти ничего нашей широкой общественности. Историческая справедливость требовала стирания белых пятен, и поэтому особенно ценно то, что ученый твердо шел к истокам правды, не страшась никаких душевных ран и материальных лишений. В Карпатском крае известность Аристова переросла в подлинную славу, передаваемую русинами из поколения в поколение; русины ценили его за неподдельную принципиальность и за глубокие правдивые знания. Об Аристове написано немало прекрасных строк в Ужгороде, Львове, Пряшове, Варшаве, Нью Йорке. Василий Романович Ваврик, в прошлом узник Талергофа, лидер общерусского движения в Карпатах, последний сеньор Ставропигии так отзывался об ученом: "Исследователя нельзя ценить за одну только даровитость. В нем нужно ценить прежде всего этику, верность своему знамени... Карпатская Русь лишилась не только талантливого исследователя, но и самого преданного друга-брата. Покойный — одна из тех искорок самоуглубления и самопожертвования, от которых вся Русь чаёт воскрешения из мертвых своего величия и славы". Ф.Ф. Аристов был почетным членом общества русских студентов "Друг" во Львове и культурно-просветительского общества им. А.В. Духновича в Ужгороде.

В большевистском СССР Ф.Ф. Аристов остался забытым по указаниям "сверху", а потому малоизвестным современному молодому поколению, несмотря на то, что его идеи и научные труды и сегодня являются благодатной почвой для диссертаций, докладов, лекций, сообщений. Можно смело сказать, что никто из русских ученых не уделял изучению Галицкой, Угорской, Буковинской Руси столько внимания, сколько Ф.Ф. Аристов. Так, в течение десяти лет (1907–1917) он собирал и систематизировал самые различные материалы, из которых был составлен единственный в своем роде не только в России, но и в Европе **Карпато-русский музей** в Москве. В нем находились редчайшие рукописи и письма выдающихся карпаторусских писателей, ученых, священников; музей содержал множество книг, не имевшихся даже в библиотеках Российской Академии Наук, Румянцевского и Исторического музеев, а также в зарубежных книгохранилищах. В музее было собрано до 100 тысяч различных экспонатов, в т.ч. отпечатанные портреты и нигде не опубликованные материалы об экономическом, историческом, религиозном, литературном, этно-территориальном, этно-культурном, географическом развитии Галичины, Угорской Руси, Буковины. Карпато-русский музей имел следующие отделы:

- *рукописный*, содержащий около пяти тысяч всевозможных рукописей: биографий и автобиографий, воспоминаний, дневников, исторических, литературных, языковедческих географических научных сочинений и писем;

- *книгохранилище*, содержащее всю важнейшую печатную научную и художественную литературу о Карпатской Руси;

- *художественно-иконографический*, представлявший собрание рисунков, связанных с русским религиозным и национальным движением в Карпатах: портреты священников и деятелей истории, литературы, религии, искусства; виды городов, сел, этнографические типы, а также карты, схемы, диаграммы;

- *научно-справочный*, предназначавшийся для выдачи разного рода библиографических справок о книгах, рукописях и рисунках; с этой целью составлялась аннотированная картотека;

- *кабинеты писателей*. Каждому писателю в музее отводился отдельный кабинет, дававший полное представление о его рабочей комнате.

Летом 1917 г. экспонаты музея были сданы на хранение в ломбард, и с тех пор судьба их неизвестна, очевидно, они погибли в Гражданскую войну.

Наряду с созданием музея, Федором Федоровичем было задумано и начато издание 30-томной "**Библиотеки карпато-русских писателей**", боровшихся за русскую идею, русское имя, русскую веру, язык и литературу в Карпатской Руси. Эта "Библиотека" представляла собой сочинения карпаторусских писателей под редакцией Ф.Ф. Аристова, которому удалось опубликовать из этой

Обложка 1-го тома книги Ф.Ф. Аристова „Карпато-русские писатели“, вышедшего в 1916 году в Москве и переизданного американскими карпатороссами в 1977 году.

Изображены (слева сверху по часовой стрелке): А.И. Добрянский, Д.И. Зубрицкий, Я.Ф. Головацкий, А.С. Петрушевич, И.Г. Наумович, В.Д. Залозецкий, Н.Л. Устианович, И.Н. Гушалевиц, Б.А. Дедицкий, В.И. Хилляк, А.А. Полянский, Ф.И. Свистун, О.А. Марков, Д.А. Марков, М.Ф. Глушкевич, Ю.А. Яворский, О.А. Мончаловский, Д.Н. Вергун, И.И. Процьк, В.Ф. Луцьк, Г.И. Купчанко, Е.А. Фенцик, И.А. Сильвай, А.Ф. Кралицкий, И.И. Раковский, А.В. Духнович.

серии сочинения А.В. Духновича, О.А. Мончаловского, А.А. Полянского, Д.И. Маркова. В набор был сдан 4-й том полного собрания сочинений писателя-священника В.Д. Залозецкого, как дополнение к трем томам, изданным во Львове в 1910 году. Книга, однако, не была напечатана, как и не были также изданы подготовленные к печати полные собрания сочинений О.А. Мончаловского, М.Ф. Глушкевича. кроме этого Ф.Ф. Аристов опубликовал ряд научно-критических очерков о А.И. Добрянском, Б.А. Ледицком, М.Ф. Глушкевиче, Ю.А. Яворском, И.И. Шараневиче, А.А. Полянском, А.Ф. Кралицком и задумал создать книгу о В.Р. Ваврике, А.В. Карабелеше и других. С предложением о популяризации карпаторусской литературы в России он обращался в своем письме к М. Горькому 16 июня 1928 г.

В течение всей жизни Ф.Ф. Аристов, кроме колоссальной научно-педагогической работы, принимал самое деятельное участие в общественной жизни страны, уделял неослабное внимание созданию различных организаций славистов. В 1908 году в Москве им было создано всеславянское студенческое общество "Славия", в котором он являлся председателем. Позднее Федор Федорович исполнял обязанности секретаря политического общества "Славия", от имени которого и направил письмо Л.Н. Толстому. Он также принимал участие в работе Славянского вспомогательного общества, Галицко-русского общества, Словацко-русского общества им. Л. Штура, Русско-чешского общества памяти Яна Гуса, Русско-Хорватского общества памяти Крижанича, был секретарем Московского отдела Всероссийского попечительства о пленных славянах, заведовал славянским отделом в журнале "Русский архив", был редактором журнала "Славянское объединение", являлся секретарем "Общеславянских трапез". "Общеславянские трапезы" возникли перед Первой мировой войной с целью обсуждения славянского вопроса и объяснения русскому образованному обществу значения роли России в славянском мире. Таким славянским собраниям придали характер трапез, на которых могли бы объединиться участники московских славянских обществ. На каждой трапезе Ф.Ф. Аристов читал доклад по славянскому вопросу, а речи участников публиковались в журнале "Славянское объединение", выходящем в 1915 году под редакцией ученого.

После революции, продолжая создавать оригинальные научные труды, Ф.Ф. Аристов нигде не мог их опубликовать, т.к. их судьбу нередко решали партийные малограмотные выдвиженцы. При тоталитарном режиме фактически при отсутствии свободы слова, при безграничной власти кадровых "ученых", боявшихся противоречить установкам свыше, никто не имел ни малейшего представления ни о карпаторусской проблеме, ни о трудах Ф.Ф. Аристова. Мне не только как исследователю, но и прежде всего как дочери своего отца, приходилось заниматься развитием

этой отрасли науки нелегально, в одиночку, выдерживая незаслуженные упреки и бесчисленные отказы советских газет, журналов, издательств в публикациях; только "Журнал Московской Патриархии" разрешал мне оставаться самой собой: излагать правду о карпаторусских деятелях. Ради развития идей отца я в течение 30 лет занималась сбором документов в государственных и семейных архивах Закарпатья и Прикарпатья, детальным изучением надгробий и эпитафий на многочисленных сельских кладбищах края, а также историко-этнографических и литературных памятников культуры. Именем Ф.Ф. Аристова мне всюду радушно открывались двери, особенно среди старожил, с которыми меня свела счастливая судьба.

Мне удалось научно-документально подтвердить ту истину, что находясь в составе Австрийской империи, карпаторусское население мужественно отстаивало идею национально-культурного единства с Великой, Малой и Белой Россией в противоположность русофобам, ориентировавшимся на самостийность в пользу Запада, в основном за материальную выгоду. Таким образом, в крае к концу 80-90-х годов XIX столетия столкнулись два враждебных непримиримых направления: сторонников общерусского единства и сторонников ориентированной на Запад самостийности. Местные власти при активной поддержке русофобов и по их доносам объявили всех приверженцев общерусского направления государственными изменниками, а их руководителей и участников судили на многочисленных процессах "о государственной измене", вынося приговоры вплоть до смертной казни. Особенно на шумел во Львове в 1882 г. "процесс Ольги Грабарь", названный в честь самоотверженной женщины-участницы русского движения под руководством ее отца-закарпатца Адольфа Ивановича Добрянского-Сачурова. Среди подобных процессов следует отметить Мармарош-Сиготский в 1913 г., открытый венгерскими властями против иеромонаха Алексия и 94-х русских крестьян. В 1914 г. власти инспирировали во Львове процесс о "государственной измене" против журналиста-патриота С.Ю. Бендасюка¹⁾, священников М.Т. Сандовича, И.Ф. Гудимы и студента В.А. Колдры. Во время Первой мировой войны проходил процесс по делу доктора богословия К.Д. Богатырца и товарищей. Из 23-х общественных и культурных деятелей Галичины и Буковины 16 были приговорены к смертной казни. Будущих карпатоведов

¹⁾ Семен Юрьевич Бендасюк (1877-1965) — видный галицко-русский народный деятель, автор "Грамматики русского литературного (общерусского) языка для русских в Галичине, Буковине и Угрии", а также трудов общерусского направления — "Австро-Угорщина и Талергоф", "Историческое развитие украинского сепаратизма", "Общерусский первопечатник Иван Федоров и основанная им братская Ставропигийская печатня во Львове" и др.

ждут исследования нескольких венских процессов над русинами, обвиняемыми в приверженности к идее общерусского единства.

Не удовлетворившись результатами судебных процессов, власти Австро-Венгрии в тесном содружестве с местными русофобами перешли к открытому геноциду, и карпатские земли покрылись виселицами. Только в одном селении Камен-Броды в Галичине палачи через единственную петлю повесили 70 крестьян на глазах их матерей, жен, детей, а затем убитых докалывали штыками. Мне удалось разговаривать с одним из свидетелей этой жестокой расправы, сообщившем многие подробности, о которых невозможно вспоминать. Мирное население подъяремной Руси уничтожали в страшнейших концлагерях (Талергоф, Терезин и др.). Сегодня Талергоф называют предком Бухенвальда (открыт в 1914 г. близ г. Граца в Австрии).

Собранный мною материал о крае при неопределимо огромной помощи В.Р. Ваврика, Р.Д. Мировича, Р.Я. Луцька, О.Ю. Луцька, С.Ю. Бендасюка, Б.В. Труша, Б.Ф. Гиссовского и многих других, учитывая актуальность проблемы, позволяет по-новому рассматривать сохранившиеся от конфискации и от гибели уникальные печатные и рукописные труды Ф.Ф. Аристова и начать их поэтапную публикацию. Так, в авг. 1993 в Москве была переиздана совместно с С.В. Шаратовым брошюра "Русское религиозное и национальное самосознание" (Тифлис 1918 г.), имеющая основополагающее значение как для ученых-славистов, так и для учащихся духовных школ, гимназий, семинарий.

Подготовленный к изданию труд Ф.Ф. Аристова "Литературное развитие Подкарпатской (Угорской) Руси" представляет определенный интерес не только для общего ознакомления с малоизвестной проблемой, к тому же запутанной советскими "учеными", но и для нормального, без лжи и фальсификации развития карпатоведения. В этой работе подробно рассмотрена деятельность незаурядных идейных борцов-подвижников, бессмертных патриотов, лидеров и участников общерусского национально-культурного движения в Карпатах, их мужественная борьба за единую Русь, русский язык и литературу, за русскую Православную веру, за право называться русскими и вносить вклад в общерусскую сокровищницу культуры.

Вторая половина XIX века ознаменована национальным возрождением Угорской Руси. Писатели перешли к родному русскому языку. Гордое знамя русской идеи в Подкарпатье высоко подняли в этот период писатели общерусской ориентации: А.В. Духнович, А.В. Попович, И.И. Раковский, И. Дулишкович, А.И. Добрянский-Сачуров, А.И. Павлович, А.Ф. Кралицкий, И.А. Сильвай, А. Митрак, Е.А. Фендик.

Публикуемое исследование профессора Аристова восполняет существенный пробел в необходимых знаниях о литературе и языке угорских русинов, являясь долгожданной эстафетой для

современных и будущих преемников, независимо от политических веяний. Сам Ф.Ф. Аристов никогда не признавал исследований, написанных по требованию дня, часто повторяя: "Пусть этот вопрос не модный и не хлебный, сознание честно выполняемого национального долга сторицей вознаграждает за все трудности и лишения пройденного научного пути".

Издание "Литературного развития Подкарпатской (Угорской) Руси" посвящается 105-летию со дня рождения (14 окт. по старому стилю) Федора Федоровича Аристова. Такая публикация явилась бы для ученого самым дорогим подарком, незабываемым счастьем.

17 сент. 1993.

Татьяна Ф. Аристова
доктор исторических наук

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

С 1907 года нами было приступлено к собиранию материалов для трехтомного исследования по неизданным источникам „Карпато-русские писатели“, представляющего собой биографические характеристики всех выдающихся деятелей общерусского литературного развития Галицкой, Буковинской и Угорской Руси. Первый том названного труда был напечатан в Москве в 1916 году, а два другие остались, вследствие мировой войны, в гранках или рукописи.

Одновременно с исследованием было предпринято печатание под нашей редакцией „Библиотеки карпато-русских писателей“, рассчитанной на 30 томов, дающей научно-проверенные и комментированные тексты произведений галицких, буковинских и угро-русских авторов. Опять-таки по причинам войны и разрыва связей с границей удалось выпустить в свет лишь несколько книг „Библиотеки“.

Из всех собранных материалов был образован в Москве „Карпато-Русский Музей Ф.Ф. Аристова“. Это большое культурное начинание бесследно погибло во время революции, потому что ввиду жилищной тесноты было упаковано и сдано на хранение в один из городских складов.

Несмотря на все крайне тяжелые (порою, катастрофические) обстоятельства, мы продолжали свою научно-исследовательскую деятельность, и теперь, через 20 лет, близки к окончанию второго и третьего томов „Карпато-русских писателей“; вместо многотомной „Библиотеки“ предположено выпустить „Хрестоматию“ наиболее ярких образцов художественных произведений писателей Карпатской, Буковинской и Угорской Руси; наконец, готова в рукописи большая книга (600 стр.) — „Угорская Русь в прошлом и настоящем“.

Не дожидаясь выхода в свет перечисленных выше работ, мы даем ниже энциклопедический очерк — „Литературное развитие Подкарпатской (Угорской) Руси“, основанный на многолетнем изучении данного вопроса и представляющий вполне законченное целое. Дабы не отвлекать внимание читателей постоянными ссылками (выносками) на источники мы все библиографические указания помещаем в П р и л о ж е н и и .

Развитие литературы в Угорской (в послевоенное время — Подкарпатской) Руси делится на четыре периода: 1) церковно-славянский, 2) латинский, 3) мадьярский и 4) русский.

I. ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКИЙ ПЕРИОД (от основания Мукачевского монастыря в 1360 году) характеризуется тем, что угро-русская литература и вся вообще умственная жизнь Угорской Руси находилась под преобладающим влиянием церкви. До нас дошло немного литературных памятников этой эпохи, причем большинство из них славянские книги и меньшая часть — рукописи.

В 1646—1649 годах была принята частью духовенства уния, весьма враждебно встреченная всей массой угро-русского населения. Так как уния не прививалась, то для поддержания ее был вызван в конце XVII века (1690-й год) в Мукачевскую епархию ученый грек — епископ де-Камелис, который издал „Казуистику” для священников.

К этому периоду относятся также *рукописные памятники*: „Сколарское Евангелие” (1588 г.), „Догматика” (1698 г.), „Гукливская летопись” (1660 г.), „Богословие попа Митра” (1778 г.), „Полемическое сочинение против католиков и униатов” (1701 г.), „Сборник заговоров 1707 года”, „Няговское толковое Евангелие”, „Списание обителей Мараморошских” и „Сборник духовных и светских песен” (последний хранится в библиотеке Московского университета).

В 1744 году была основана в Мукачево новая богословская школа, соединенная с начальным училищем для учителей. Она, однако, мало принесла пользы угро-русскому населению, так как все ее преподаватели, получившие образование в латинских Ягерской и Тернавской семинариях, сами плохо знали русский язык.

II. ЛАТИНСКИЙ ПЕРИОД (с половины XVII века до первых десятилетий XIX века) имеет отличительной чертой господство латинского языка не только в литературе, но даже и в разговорной речи среди образованных слоев населения.

За это время проявилась деятельность таких даровитых личностей, как епископ Андрей Бачинский и писатель Иоанникий Базилович.

Андрей Бачинский (1732—1809) был образованнейшим человеком своего времени. Он родился в семье приходского священника в селе Беньятине, Ужгородского округа. Среднее образование получил в Ужгородской гимназии, а высшее — в Тернове. Отличаясь большими способностями и хорошим воспитанием, он получал места домашнего воспитателя в семьях знатных дворян. Андрей Бачинский собрал богатую библиотеку (в 9 тысяч томов), и его дом всегда был местом, где сходились самые выдающиеся угро-русские деятели. Видя чрезмерное распространение латыни, епископ Бачинский обращается к своей пастве и предлагает

обратить серьезное внимание на обработку и изучение русского языка. Андрей Бачинский был поклонником М.В. Ломоносова.

Иоанникий Базилович (1742—1821) родился в бедной семье села Глиниц, Ужгородского округа. С юных лет он полюбил науку и, несмотря на скудные средства своих родителей, отправился в школу сначала в Ужгород, а затем в Кошицы. После успешного окончания названных школ он поступил в монастырь на горе Чернецкой, близ Мукачева. Благодаря своим блестящим способностям, Базилович вскоре был избран протоигуменом всех униатских монастырей в Угорской Руси и занимал эту должность целых 38 лет, живя в Мукачеве. Тогда же он задумал написать историю угро-русской церкви, и с этой целью ознакомился почти почти со всей литературой, касающейся прошлых судеб русских монастырей в Угрии. Плодом его неустанных изучений явилось сочинение на латинском языке „Краткие сведения об учреждениях Феодора Кориатовича” („Brevis notitia fundationis Koriatovits”; 1-3 части этого труда вышли в 1799 году, а части 4-6 — в 1804 году). Это исследование было первым по времени трудом, который познакомил угро-руссов с их историческим прошлым. Таким образом, ученая деятельность Базиловича отчасти совпадает с ролью Д.И. Зубрицкого в Галицкой Руси. Базилович написал еще два другие сочинения на латинском языке, оставшиеся, однако, в рукописи. Его труд, написанный по церковно-славянски, — „Объяснение литургий” не увидел свет лишь вследствие излишней придирчивости тогдашнего цензора Григория Тарковича, который с 1816 года сделался Пряшевским епископом.

III. МАДЬЯРСКИЙ ПЕРИОД наступил с первых десятилетий XIX века и продолжался до 1848 года. Угро-руссы, живя одной жизнью с господствующей в Угрии мадьярскою народностью, невольно поддавались ее влиянию, а когда наступило в начале XIX столетия национальное пробуждение мадьяр, и латинский язык уступил место мадьярскому, то и образованные угро-руссы начали употреблять в разговоре вместо латинской также мадьярскую речь.

Из угро-русских писателей этого периода должны быть отмечены: Василий Довгович и Михаил Лучкай.

Василий Довгович (1783—1849) был членом-корреспондентом мадьярской академии наук. Он родился в семье крестьянина и еще на школьной скамье написал несколько стихотворений на латинском языке, которые тогда уже были напечатаны. Кроме стихов он писал также сочинения по философии, астрономии, богословию и естествознанию; все они были составлены на мадьярском языке.

Михаил Лучкай (1789—1843) был приходским священником в Ужгороде. Он считался весьма образованным человеком среди своих современников и даже побывал за границей, что в те времена являлось большой редкостью в Угорской Руси. Лучкай

вызвал в Италию герцог Лукканский — граф де-Виллафранка, который, добиваясь греческой короны, ввел в своей домовый церкви богослужение по греко-восточному образцу. За границей умственный кругозор Лучкая значительно расширился; развитию в нем национального самосознания много содействовали политические события того времени: национальные движения греков, сербов и румын. Лучкай издал на латинском языке первую по времени грамматику угро-русского наречия, сравнив его с церковно-славянским языком. В предисловии к этой грамматике проведены славянофильские или панславистические взгляды, которые наложили отпечаток на последующее развитие литературы в Угорской Руси. Вот что говорит Лучкай в предисловии: *„Каким колоссом сделался бы старо-славянский язык, если бы он остался литературным. Французский, итальянский, а особенно немецкий литературные языки не сходны с народными языками, я между тем никому и в ум не приходит предпочитать простородные формы и выражения — литературным. Одни славяне ревностно заботились и заботятся о том, чтобы литературный язык сблизить с народным, полагая, что таким образом легче можно будет изучить и усвоить его“*. Надо заметить, что на практике Лучкай не применил высказанных им теоретических положений, написав грамматику местного русского языка в Угрии. Тем не менее, его взгляды оказали влияние на распространение в Угорской Руси общерусского литературного языка. Затем он напечатал в двух томах по-русски *„Церковныя бесѣды на всѣ недѣли рока на поучение народное“* (Будапешт, 1831 г.). Лучкай написал еще пятитомное латинское сочинение *„История Карпато-Руссов“* (*„Historia Carpatho-Ruthenorum“*), до сих пор остающееся в рукописи.

УГРО-РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ, РАБОТАВШИЕ В РОССИИ

Прежде чем перейти к изложению литературного развития Угорской Руси в русский период, необходимо рассмотреть деятельность тех угро-русских писателей, которые переселились в Россию и здесь сыграли заметную роль в развитии русской науки и просвещения. Такими угро-руссами, трудившимися в России, были известные в свое время: придворный врач и писатель И.С. Орлай, юрист М.А. Балудьянский, философ П.Д. Лодий и славист Ю.И. Венелин. Хронологически их деятельность захватывает латинский и мадьярский периоды, представляя своего рода введение к русскому периоду в Угорской Руси.

В Россию названные угро-русские ученые и писатели попали вследствие вызова русского правительства, озабоченного развитием высшего образования в стране и в то же время вполне сознававшего недостаток научно-подготовленных лиц в русском обществе для занятия профессорских кафедр. Поэтому и решено было обратиться к содействию зарубежных ученых, в первую

очередь — уроженцев Карпатской Руси, как людей русских по происхождению и языку.

Орлай, Балудьянский, Лодий и Венелин не только двигали вперед русскую науку и просвещение, но и являлись живым звеном, соединявшим Угорскую Русь с Россией. Они представляли собой как бы наглядное подтверждение того положения, что и небольшая страна, какой являлась их родина — забытая и забитая Угорская Русь, — при благоприятных условиях, может сделать вклад даже в такую сравнительно богатую сокровищницу, какую представляет собой общерусская наука, литература и вообще культура. В России они знакомили русское общество с жизнью Угорской Руси, в Угорской же Руси побуждали своим примером местных писателей трудиться на пользу угро-русского населения. Таким образом, их влияние на возрождение Угорской Руси в 1848 г. надо признать бесспорным. Все они стояли за национально-культурное единство русского народа от Карпат до Камчатки, а Ю.И. Венелин, кроме того, как славист, возвышался мыслью до сознания о духовном единстве всего славянства. Наконец, надо иметь в виду (хотя и не поддающееся точному учету) личное влияние Орлая, Балудьянского, Лодия и Венелина, которое они оказывали посредством устных бесед, советов и указаний на целый ряд деятелей России, начиная с высших правительственных кругов и кончая многими русскими учеными, писателями и журналистами.

Когда будет подробно изучена жизнь и деятельность четырех названных видных угро-руссов, то получится интересная глава из истории взаимоотношений Угорской Руси и России в первую половину XIX века. Пока же ограничимся краткими биографическими данными и характеристикой их важнейших литературных работ.

Иван Семенович Орлай (1770–1829) родился в Угорской Руси. Оставив должность преподавателя гимназии в Великих Карловцах, он отправился весной 1791 года в Россию. В 1793 году он окончил Медико-Хирургическое Училище в Петрограде и состоял некоторое время военно-больничным врачом, а в 1794–1797 годах, в качестве правительственного стипендиата, изучал медицину в Венском университете. По возвращении в Петроград, И.С. Орлай последовательно проходил служебную карьеру: сперва больничного врача и помощника ученого секретаря Медицинской Академии, затем штаб-лекаря, помощника лейб-медика, ученого секретаря Медицинской Академии, гоф-медика, сотрудника придворного доктора барона Виллие по изданию „Полевой Фармакологии“, наконец — кандидата на кафедру медицины в Московском университете, директора Нежинской гимназии высших наук князя Безбородко (1821–1826) и Ришильевского лицея в Одессе (1826–1829 гг.).

Занимаясь не только медициной, но и историко-философскими науками, И.С. Орлай получил степень магистра словесных на-

Иван Семенович Орлай

ук и доктора философии в Кенигсбергском университете (в 1806 году), состоял членом многих ученых обществ в России и Германии, почетным членом русской Академии Наук и действительным членом (с 1815 года) Московского Общества Истории и Древностей Российских, которому сообщил много ценных материалов по южно-русской истории (см. И.С. Свѣнцицкій „Материалы по истории возрожденія Карпатской Руси”, Львов, 1905 г., стр. 22–23).

Особенно должна быть отмечена статья И.С. Орлая — „Исторія о Карпато-Россахъ, или о переселеніи Россіянъ въ Карпатскія горы и о приключеніяхъ съ ними случившихся” („Северный Вестник”, 1804 г.б книги 2 и 3). В этой статье автор, разбирая исторический вопрос о заселении в IX веке Тиссо-Дунайской равнины (Паннонии), высказывает свои национально-политические взгляды. На них мы и остановимся, потому что филологические рассуждения (о происхождении названий „Русь-Варяги-Угры”) и исторические доводы (о заселении северной Угрии русскими лишь в IX, а не в VI веке) — не имеют строго научного значения. И.С. Орлай утверждает, что предками Угорской Руси являются киевские русичи, вызвавшие провожать мадьяр в Паннонию через Вольнь и Галичину за Карпаты, и поселившиеся в окрестностях Орос-Вар. Это произошло в конце IX

века. Переселения русских в Угрию имели место и в последующие столетия: в 1113 году (Орос-Фалва), в 1285 году (в Шаришскую область), в 1299 году (в Мукачевское княжество) и, наконец, в 1339 году начальством князя Феодора Кориатовича. Первоначально русские, мадьяры и куманы, как завоеватели страны, пользовались равными правами, но с течением времени мадьяры не стали признавать русских „за своих союзников и лишили их тех прав, на коих основывался общий договор для приобретения земель”. Из всего этого И.С. Орлай делает вывод о вреде переселения части народа в другие страны, потому что, оторвавшись от основного ствола, эти ветви могут погибнуть. *„Чем народ единоплеменнее и более сосредоточен, тем он единомысленнее, сильнее и важнее; чем более находится между им иноплеменных, тем, более несогласий, неудачи в предприятиях, как в Турции, в Австрии. Потому-то гораздо полезнее народ одного племени усредоточить, нежели часть его переселять, выгоднее смежных единоплеменников соединять, нежели искать владений в отдаленности”*. Конечно, в приведенных словах очень много туманного и неясного. Но суть дела не в этом. Важно то, что И.С. Орлай смотрел на историю не как на какую-то отвлеченную науку, а стремился путем познания прошлого уразуметь настоящее. И всматриваясь в современность, он сразу разглядел огромное значение национальной проблемы. Он верно подметил два типа государств — единоплеменных и многоплеменных (т.е. „национальное государство” и „государство национальностей”, как бы сказали теперь).

Эта статья И.С. Орлая оказала влияние на работу А.В. Духновича — „Истинная история Карпато-Россов” (написана в 1853 г., напечатана нами в Москве в 1914 году). Национальную же проблему подробно осветил позднее в целом ряде сочинений знаменитый деятель и писатель Угорской Руси А.И. Добрянский-Сачуров.

В 1815 году И.С. Орлай был избран членом-соревнователем Общества Истории и Древностей Российских в Москве, а с этого времени начинаются постоянные его научно-литературные сношения с Обществом, в которое он посылал письма, рукописи и книги, относящиеся преимущественно к истории Южной Руси, и в частности — Карпатороссии. Так, в 1824 году И.С. Орлай послал письмо-статью „О Югозападной Русии” (напечатана в „Трудах и записках Общества Истории и Древностей Российских”, 1826 н., книга 1, стр. 220-228). Несмотря на небольшой размер, статья эта важна по затронутым в ней принципиальным вопросам, и в этом отношении не утратила своего значения и в настоящее время. И.С. Орлай прежде всего обращает внимание русских ученых на неправильность названия „Венгрия” вместо „Угрия”; затем подчеркивает, что Галичина населена не польским, а русским народом; высказывает удивление по поводу того, что „писатели русские галицкие и поднесь еще не приняты в число русских писателей”.

Этот упрек сохраняет свою силу и в наши дни, потому что ни в одной истории русской (общерусской) литературы не дается обзора жизни и творчества писателей Карпатской Руси. Впервые этот пробел старался восполнить своим исследованием автор настоящего очерка (см. Ф. Ф. А р и с т о в „Карпато-русские писатели” и „Библиотека карпато-русских писателей” под редакцией Ф. Ф. Аристов). Очередная задача русских ученых дать, наконец, такую историю русской литературы, где была бы изложена действительность не только великорусских, но также малорусских и белорусских писателей.

Далее И. С. Орлай указывает на важность изучения богатого материала галицких архивов, могущего пролить свет на многие вопросы истории Руси. В конце статьи автор излагает судьбы своей родины — Угорской Руси.

Письмо-статья заканчивается следующими глубоко верными словами: *„Всп сїи обстоятелства, будучи достойны вниманїя всякого благонамѣреннаго русина и истиннаго сына отечества своего, доказываютъ необходимость вникать в дѣла Южной Россїи со всемогможными тщанїемъ, что наибаче предлежитъ сдѣлать гг. членамъ Историческаго Общества, и дабы можно было достигнуть въ преднамѣреваемомъ успѣхѣ, должно имѣть непосредственныя сношенїя съ вышеозначенными мѣстами”*.

Михаил Андреевич Балудьянский (1769—1847) родился в Угорской Руси. Среднее образование получил в Уйгели и Кошицах, а высшее — на юридическом факультете Венского университета. В 1789—1796 годах состоял профессором Великоварадинской Академии, а в 1796—1803 годах преподавал государственное право в Пештском университете. В 1803 году, по указанию И. С. Орлая, М. А. Балудьянский был приглашен в Россию и поселился в Петрограде, где получил назначение на должность преподавателя Педагогического Института и одновременно работал в качестве редактора (во второй экспедиции комиссии составления Свода Законов) по части государственного хозяйства и финансов. С 1809 по 1812 годы состоял начальником IV отделения комиссии и работал по министерству финансов. С 1813 по 1817 годы преподавал экономические и политические науки великим князьям Николаю и Михаилу Павловичам.

Приводим прекрасную характеристику деятельности М. А. Балудьянского, данную проф. бароном А. Э. Нольде: „Через комиссию составления законов проходили при Балудьянском самые разнообразные проекты преобразований. Ему пришлось участвовать в составлении проектов свода публичного права, законов сельских, реорганизации министерств, и в разработке отдельных вопросов экономического и финансового законодательства (о монетной системе, о поземельном налоге и пр.). Он исследовал, для сведения Государственного Совета, историю финансовой администрации, начиная со времени Петра Великого до 1812 г.; при-

Михаил Андреевич Балудьянский

нимал участие в работах по освобождению лифляндских крестьян от крепостной зависимости, выработывал, по поручению министра финансов, новый финансовый план, вызванный необходимостью покрыть расходы по войнам. Этот план был представлен государю в 1814 г.; через министра финансов графа Гурьева была представлена государю и обширная записка Балудьянского по вопросу об освобождении крестьян от крепостной зависимости. Впоследствии, при образовании в 1837 г. (к каковой работе был привлечен и Балудьянский) министерства государственных имуществ из этой записки было заимствовано много мыслей и указаний. Вскоре по открытии С.-Петербургского университета (1819 г.) Балудьянский был избран деканом философско-юридического факультета, где он читал энциклопедию юридических и политических наук и политическую экономию. 27 октября того же года он был избран и утвержден ректором университета. Когда по инициативе попечителя округа Рунича и при содействии «директора» университета Кавелина началось гонение на профессоров (Кунищина, Арсеньева, Галича, Раупаха), обвиняемых в распространении идей, противных христианству и революционных, Балудьянский очень резко и страстно отстаивал своих товарищей и, убедившись, что его протесты против практиковавшихся способов расследования не имеют успеха, сложил с себя звание ректора (31 октября 1821 г.).

Оставаясь профессором (до 12 апреля 1824 г.), Балудьянский продолжал вести борьбу с Руничем. Тем временем Балудьянский был снова определен (21 апреля 1822 г.) в комиссию составления законов членом совета ее, причем ему было поручено заведывание делопроизводством совета. Здесь он снова встретился со Сперанским, которому по возвращении из ссылки было поручено наблюдение над работами комиссии. Вслед за вступлением на престол император Николай I вызвал Балудьянского к себе, изложил ему свое намерение привести в порядок действующее законодательство и совещался с ним о способе исполнения этого намерения. 31 января 1826 г. учреждено II отделение собственной Е.И.В. канцелярии, на которое возлагалось дело кодификации законов, а 4 апреля Балудьянский был назначен начальником этого учреждения. Главное руководство над работами было поручено Сперанскому. Таким образом, Балудьянский сделался ближайшим сотрудником Сперанского при составлении Свода Законов; хорошие личные отношения между ними способствовали успеху дела. Главную роль играл Сперанский: Балудьянский самостоятельно не выступал и был только исполнителем или советником по отдельным вопросам. В 1828 г. Балудьянскому было поручено наблюдать за учебными занятиями тех студентов духовных академий, которые были избраны для подготовки к преподаванию юридических наук в высших учебных заведениях. Этому поручению Балудьянский уделял большое внимание и непосредственно руководил работами студентов, два года спустя командированных для дальнейших занятий за границу. В 1839 г. Балудьянский был назначен сенатором. В должности начальника II отделения Балудьянский оставался и при преемниках Сперанского («главноуправляющих II отделения») Д.В. Дашкове и Д.Н. Блудове, до самой смерти, последовавшей 3 апреля 1847 г. Ученые труды и записки Балудьянского до сих пор не напечатаны и хранятся в делах II отделения (архив Государственного Совета). Наиболее крупной является его работа об истории различных хозяйственных систем. Балудьянский обладал разнообразными и широкими познаниями в области экономических и политических наук, умением методически работать и руководить работами других. Как лектор, судя по словам его ученика, императора Николая I, он не отличался даром слова. Русским языком он владел плохо; на многих иностранных мог легко писать, но объяснялся не без труда. Современники единогласно отзываются как о человеке очень скромном, мягком, прямом и благородном”.

К вышеприведенной характеристике проф. А.Э. Нольде надо добавить, что сочинение М.А. Балудьянского „**Изображение различных хозяйственных систем**” положило основание русской политико-экономической терминологии.

Петр Дмитриевич Лодий (1764–1829), уроженец Угорской Руси, преподавал в 1787–1801 годах логику и метафизику во во

Петр Дмитриевич Лодий

Львовском университете на славяно-русском и латинском языках; в 1790 году издал „Наставления любомудрия” Хр. Баумейстера; в 1801–1803 годах состоял профессором философии и математики в Краковском университете. Переселившись в Россию, П.Д. Лодий читал (1809–1819 гг.): в Педагогическом Институте — логику, метафизику и нравственную философию, а в Училище Правоведения — естественное (частное, публичное, государственное и народное) и уголовное право. Перевел на русский язык: „Частное естественное право” Шейлера (1809 г.) и первую часть „Уголовного права” Фейербаха (1810 г.). Написал „Логические наставления, руководствующие к познанию и различению истинного от ложного” (Петроград, 1815 г.), которые признаны были в 1820 году Ученым Комитетом „опаснейшими по нечестию и разрушительным началам”. В докладе в Ученый Комитет, в котором заседали мракобесы Рунич и Магницкий, было упомянуто о том, что Лодий, превосходя открытостью нечестия и Куницына (автора „Права естественного”) и Галича (проф. философии в Петроградском университете в 1820 году), занимает в университете должность декана и преподает естественное право. В действительности же, из „Логических наставлений” видно, что П.Д. Лодий не пошел дальше, сделанного школой Вольфа и не был знаком с философией Канта. В 1828 году издал „Теорию общих прав”. В течение

10 лет (с 1819 г. и до самой смерти) П.Д. Лодий состоял профессором права и философии в Петроградском университете. Для характеристики общественных взглядов П.Д. Лодия необходимо отметить, что он (как равно и его земляки И.С. Орлай и М.А. Балудьянский) был близок с Сперанским, принимал вместе с ним живое участие в деятельности Библейского Общества, масонской ложи и либеральных кружков; Лодий посоветовал Сперанскому вызвать из Львова масона Фесслера и был свидетелем принятия Сперанского в ложу в 1810 году. П.Д. Лодий поддерживал связи с Карпатской Русью и обогатил библиотеку Василианского монастыря во Львове ценным пожертвованием книг.

Юрий Иванович Венелин

Юрий Иванович Венелин (1802–1839) родился в Угорской Руси, в семье священника Гуцы. Первоначальное образование получил в Ужгороде, где проявил свои блестящие успехи и необыкновенное трудолюбие. Поэтому, после смерти отца, местное духовное начальство приняло образование даровитого юноши на свой счет и определило его в Сатмарский лицей, в надежде сделать из Гуцы священника. Не имея, однако, призвания к духовному званию, Юрий Гуца бежал в Галичину, поступил во Львовский университет, и, чтобы замазать следы своего пребывания, принял фамилию **В е н е л и н** (1812 г.). Во Львове Ю.И. Венелин ушел с

головою в чтение источников по древнейшей истории славянства и мечтал попасть в Россию, как единственную независимую славянскую державу. Поездку в Россию он предполагал совершить не прямым, а круглым путем (через Триест, Царьград и Одессу) и с этой целью направился в Южную Угriu, где в течение 1822—1829 учебного года посещал Сегединскую академию. Политическая обстановка на Балканском полуострове помешала осуществлению плана Венелина, и он, в сопровождении своего родственника и товарища Молнара, отправился в Россию прямым путем (через Черновцы и Хотин). Приехав в Кишинев, он, благодаря отзывчивости и покровительству генерала Инзова, получил место преподавателя в семинарии. Разноплеменное население Бессарабии (русские, румыны, болгары и греки) будило пытливость ума и давало богатый материал для этнографических и исторических изучений. Продолжая свои любимые занятия древнейшей историей славянства, в Бессарабии Ю.И. Венелин заинтересовался новым вопросом — о русско-болгарских отношениях в прошлом и настоящем. В крае жило до 40 тысяч болгар-переселенцев, что давало возможность на месте практически изучить болгарский язык и заняться исследованием народного быта современных болгар. Но двойственность стремлений — погружаться в глубокую славянскую древность и описывать современность — отразилась неблагоприятно на трудах Венелина по славяноведению. „В течение двух лет своего пребывания в Кишиневе, — замечает академик И.В. Ягич, — он мог бы, правда, изучить порядочно современный болгарский язык, но, по-видимому, он этого не сделал, задавшись решением более важных на его взгляд вопросов, относящихся не столько к современности, сколько к самым отдаленным временам, вопросов о происхождении древних болгар и их родственных сношениях с русскими. Эта двойственность его научных стремлений, с одной стороны изучать самые трудные проблемы славянских древностей, с применением их к болгарам, с другой же вникнуть в бытовые особенности современных болгар — не привела к желаемой цели, она мешала ему добиться ясных взглядов, занять правильные реальные точки зрения” (И.В. Ягич „История Славянской Филологии”, Петроград, 1910 г., стр. 450—451).

В 1825 году Ю.И. Венелин переехал в Москву с целью поступления в Московский университет и занятий в богатых московских книгохранилищах. Но по совету своего старшего земляка доктора И.С. Орлая, Ю.И. Венелин поступил не на историко-филологический, а на медицинский факультет, что давало возможность в будущем иметь более определенный заработок. Из этого, однако, ничего не вышло: медициной он тяготился, а в области славяноведения так и остался на всю жизнь талантливым самоучкой, без твердых научно-критических приемов исследования и романтик в душе. Терпя сильную материальную нужду, Ю.И. Венелин через своих покровителей, устроился домашним учителем

в семью Аксаковых, где давал уроки знаменитому впоследствии славянофилу — Константину Сергеевичу Аксакову.

В 1828 году Ю.И. Венелин выступил в печати, поместив в „Московских Ведомостях“ (тогдашнем органе Московского университета) отзыв о книге Яковенко о румынах. В 1829 году вышла его книга „Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам“. В общем эта книга не получила в свое время научно-критической оценки: одни ученые не обратили на нее внимания (Шафарик), другие же (Погодин и московские славянофилы) были от нее в восторге, не сказав ничего по существу вопроса. Теперь, через сто лет, протекших со времени выхода в свет книги Венелина, бросаются в глаза лишь слабые стороны этой работы. Прежде всего обращает на себя внимание самая неравномерность распределения материала: книга озаглавлена „Древние и нынешние болгаре“, но современным болгарам посвящено лишь 20 страниц. Вся критическая часть книги (имеющий подзаголовок „Историко-критические изыскания“) сводится к полемике со взглядами Байера, Шлёцера, Тунманна и Энгеля; но эта полемика носит не столько критический, сколько патристический характер автора-славянина против ученых-немцев. Увлеченный полетом своей фантазии, Венелин стремится доказать исконность (автохтонность) славян на Балканском полуострове, защищает славянское происхождение болгар и принадлежность их к славяно-русскому племени. Ценность книги составляют те немногие страницы, которые посвящены современным болгарам. До Венелина в России не знали, что на Балканах живет отдельный славянский народ — болгары, которых, обычно, смешивали с сербами. Даже вдохновенный певец славянства, автор „Дочери Славы“ Ян Коллар, при перечислении славянских племен, даже самых малочисленных, а то и совершенно вымерших, нигде в своей поэме не упоминает о болгарах! Венелин, таким образом, не только открывает болгарский народ для русского общества, но и вызывает сочувствие к его многострадальной судьбе. Автор обращает внимание на то неестественное явление, что никто из „европейских публицистов, человеколюбивых политиков“, вздыхающих по поводу тяжелой участи греков под турецким игом, не вспоминает о болгарах. Русские историки перечисляют вымершие племена балтийско-поморских славян и не знают о живых болгарах, от которых Русь получила крещение и на языке которых читали и писали в Руси почти до Ломоносова. Эти искренние страницы сострадания к целому униженному и оскорбленному народу, единокровному и единомуверному России, находили отклик в русской душе. Один из лучших и благороднейших представителей русской мысли — К.С. Аксаков был учеником и продолжателем дела дела своего наставника: Ю.И. Венелин поставил вопрос о

болгарах в литературе, К.С. Аксаков поднял вопрос о политическом освобождении Болгарии. Победы России над Турцией в войну 1877—1878 гг. было одновременно торжеством идей Венелина и Аксакова. Этим именно и объясняется, что в столетие со дня рождения (в 1902 г.), в Болгарии чествовали память Ю.И. Венелина, как национального героя.

Поэтому сколько бы ни писали о ненаучности, некритичности, деллетанизме и романтике работ Венелина, ему принадлежит огромная и неоспоримая заслуга: он положил основы для национального и политического возрождения Болгарии!

Весной 1830 года Ю.И. Венелин получил от Академии Наук первую по времени командировку на год для изучения в Болгарии памятников языка, письменности и старины. Поездка не была вполне удачной, потому что Венелину пришлось ограничиться только северо-восточными пунктами (русские войска уже уходили из Болгарии); после войны население было разорено и измотано, и поэтому расспросы Венелина вызывали недоумение или даже возбуждали подозрение. При таких неблагоприятных условиях, Венелин собрал свой этнографический и лингвистический материал не в самой Болгарии, а за ее пределами (около 50 песен от болгар-эмигрантов, а разные литературные памятники списал в Валахии — в бухарестской митрополии и у частных лиц). В 1831 году Венелин (через Кишинев, Одессу и Харьков) вернулся в Москву. Материальные лишения, вечная забота о куске хлеба, срочная журнальная работа, увлечение широкими планами в области изучения славянства, — все это затянуло представление отчета Академии Наук на два года. Только в 1833 году он послал Академии Наук копии 66 „влахо-болгарских или дако-славянских” грамот, с 20 снимками, историческим предисловием, комментариями и словарем.

Тогда же он составил, по поручению Академии Наук, первую по времени „Грамматику болгарского языка” (рукопись хранится в библиотеке Общества Истории и Древностей Российских в Москве). Кратковременность пребывания в Болгарии, недостаточное знакомство с болгарским языком и отсутствие правильного филологического образования дают себя чувствовать в этом труде Венелина. Здесь опять нашли место спорные гипотезы, а вместо живого болгарского языка с его разнообразными говорами, он нарисовал картину чего-то вполне монолитного, а потому искусственного, в действительности не существующего.

В 1834 году в русских университетах были учреждены славянские кафедры. Проф. М.П. Погодин выдвинул кандидатуру Ю.И. Венелина в Московском университете, для чего представил болгарскую грамматику, список трудов и (составленный по определению Совета Московского университета) „Конспект преподавания истории славянского языка и литературы”. Венелин не

имел ученой степени и это послужило формальной причиной неполучения им кафедры славяноведения.

Как романтик, Ю.И. Венелин очень интересовался славянской народной поэзией, которой посвящены его статьи: „Об источнике народной поэзии вообще и о южнорусской в особенности” (1834 г.) и „О характере народных песен у славян задунайских” (1835 г.).

Об этой статье, вышедшей отдельной брошюрой (в 118 стр.), В.Г. Белинский писал следующее: „Статья начинается выпиской двух песен на сербском языке, с переводом на русский. Перевод сделан самим автором статьи, и сделан прекрасно. Он близок, верен, поэтичен, если можно так сказать, и русский язык нигде не изнасилован, нигде не страдает на счет этой близости. Мы были бы очень благодарны автору, если бы он дарил нам чаще и больше подобными переводами песен славянских народов, которые ему так хорошо знакомы. После песен, автор начинает рассуждать о характере и обычаях болгар и сербов, и особенно о их *девогизации*. Факты, сообщаемые им, чрезвычайно любопытны. Потом он выводит из них заключение о характере песен этих народов. Потом рассуждает об исторических причинах, дающих иногда тому или другому народу другой характер, нежели какой он имел. Мысли его об этом предмете прекрасны, глубоки, и подкреплены фактами. Из этого рассуждения он объясняет кровавый и мрачный характер задунайцев, отразившийся в их песнях. Характер поэзии задунайцев, по его мнению, чисто гомерический, и мы с этим вполне согласны: *героизм* и *юначество* — одно и то же. В заключение автор говорит вообще об *эпопее*, разумея под этим словом такого рода художественные произведения, которые создаются не каким-либо лицом, а целым народом. Вследствие этого, он очень основательно отвергает художественное и *эпическое* достоинство всех кабинетных произведений, как-то: „Энеиды”, „Освобожденного Иерусалима”, „Генриады”, „Россиады” и пр., как сочинений заказных, как *нарочных трудов по части героизма*. Эта же идея привела его к рассуждению об „Илиаде”, как творении самобытном и живом, созданном народом, а не каким-то Гомером. Мысль не новая, но хорошо развитая автором. Он доказывает, что *омирос* есть слово нарицательное и значит *слепца*. Прекрасно также развита автором мысль о том, что каждый народ имеет своего представителя и его-то выводит в своих созданиях: эпопее и песнях; греки — Ахилла, испанцы — Дон-Жуана, немцы — Фауста и т.д.” (см. „Полное собрание сочинений” В.Г. Белинского под редакцией С.А. Венгерова, том 2, стр. 397-401; приведенная же выдержка помещена на стр. 398-399).

В 1836 году Ю.И. Венелин получил должность инспектора в одном из московских средне-учебных заведений и, свободное время, попрежнему, посвящал своим любимым занятиям по славяноведению.

В 1837 году появилась его статья „О зародыше новой болгарской литературы“ („Московский Наблюдатель“, 1837 г., № 9 и отдельно в 1838 г.). Автор поделился здесь своими тяжелыми впечатлениями, вынесенными из поездки в Болгарию (в 1831 г.) и ставил вопрос о помощи поработенному болгарскому народу. Статья написана с большим подъемом и, переведенная в 1842 году на болгарский язык, произвела сильное впечатление на читателей-болгар.

В 1839 году Ю.И. Венелин начал печатание книги „Древние и нынешние словене в политическом, народописном, историческом и религиозном отношении к россиянам“ (представлявшей 2-ой том его „Историко-критических изысканий“). При жизни автора вышли первые 15 листов, остальные же 5 с лишним листов докончил печатанием его друг Молнар на средства болгарских подписчиков. Хотя книга помечена 1841 годом, но фактически вышла в свет лишь в 1846 г. и снабжена очерком Молнара „Черты из частной и ученой жизни Юрия Ивановича Венелина“.

Книга „Древние и нынешние словене“ посвящена истории средне-дунайских славян (словенцев и словаков), при чем автор стремится доказать существование славян еще в римскую эпоху, начиная их историю с венетов и Венеции и считая этрусков за славян.

В 1839 году была напечатана статья „Принятие христианства славянскими народами до Кирилла и Мефодия“ — лебединая песня Ю.И. Венелина.

Неудачи с печатанием сочинений (из которых многие были изданы лишь после смерти автора, а часть до сих пор остается в рукописи), потеря службы из-за каких-то интриг, материальная неудача и болезнь — свели преждевременно Ю.И. Венелина в могилу. Он умер в 1839 году, всего 37 лет от роду, и погребен в Москве, на кладбище Даниловского монастыря.

Уже после смерти Ю.И. Венелина были изданы его следующие сочинения: „Влахо-болгарские грамоты“ (издание Академии Наук, 1840 г.); „Скандинавomania и ее поклонники, или столетние изыскания о варягах“ (1842 г.); „Окружные жители Балтийского моря“ (собрание статей: о латах, кн. 8; о славянах, кн. 9; о соляном озере Halmugis, кн. 10 „Чтений“ за 1846 г.); статьи в „Чтениях“ за 1847 год: „Мысли об истории вообще и Русской в частности“ (кн. 12), „О древних жилищах русского народа“ и „О времени рождения названий: греческое, латинское, русское или гражданское, славянское или церковное письмо“ (кн. 13), „О слове болярин“ (кн. 14), о готах (кн. 15), об обрах (кн. 16), „О споре между южанами и северянами насчет их россизма“ (кн. 17) и „О нашествии завислянских славян на Русь“ (кн. 18). В „Чтениях“ за 1848 год (кн. 21) напечатана статья „О происхождении маршалов

и производстве слова"; книга „Критические исследования об истории болгар” (1849 г.) представляет собой продолжение труда „Древние и нынешние болгаре” (1829 г.) и излагает болгарскую историю, начиная с прихода болгар на Балканский полуостров и до завоевания Болгарии Святославом (968 г.); автор верно рисует картину болгаро-византийских отношений, но неудачно пытается доказать мнимое славянство древних болгар, авар и казар. „Конспект” несостоявшихся лекций Ю.И. Венелина издал проф. П.А. Лавров в 1898 году („Древности. Труды Славянской Комиссии Московского Археологического Общества”, том 2, Москва, 1848 г. Материалы, стр. 110-124).

Болгарские народные песни, собранные Ю.И. Венелиным, почти целиком напечатаны в издании проф. П.А. Безсонова — „Болгарские песни” (Москва, 1855 г.).

Наконец, статьи Ю.И. Венелина, касающиеся его родины — Карпатской Руси и оставшиеся при жизни автора в рукописи, напечатаны И.С. Свенцицким в его книге „Материалы по истории возрождения Карпатской Руси” (Львов, 1905 г., стр. 86-120). Эти статьи следующие: „Несколько слов о россиянах венгерских и также одно слово историческое о православной греко-восточной церкви в Венгрии” (по описанию № 38), „Мадьярские слова, взятые из русского языка” (№ 15), „Пословицы карпаторусские” (№ 98) и „Об украинском правописании” (№ 10).

В другой своей работе („Обзор сношений Карпатской Руси с Россией в 1-ую половину XIX века”, издание Академии Наук, 1906 г.) И.С. Свенцицкий следующим образом характеризует эти статьи: „Главные мысли, высказанные Венелиным в этих статьях, сводятся к следующему: Угорская Русь одного происхождения с Киевской, Волынской и Галицкой частями древней Руси. Так как она отошла от общерусского центра — она и пала: часть может существовать только в целом, но никак не самостоятельно (№ 38). — Хотя южане и северяне отличаются друг от друга многими чертами, все-ж-таки ни северяне, ни южане сами себе источником быть не могут, ибо сколько они не войдут в самих себя, всё выйдет одно и то же. Само собою разумеется, что источником многого хорошего, многого поэтического для Северной Руси есть Южная, источником для Южной — Северная. Одна без другой много бы потеряла; одна другою только и может уллучиться, существовать: ибо ни та, ни другая не составляет цельного народа, а часть его. Таким образом и народная поэзия южан весьма много хорошего может сообщить Северу; может сообщить свою теплоту чувств, свою жизненность, свою драматургию. Обоюдный источник богатый, двадцатимиллионный! [Теперь уже 125-миллионный. Ф.Ф.А.]. Как не порадоваться! — пишет Венелин в книжке „Об источнике народной поэзии вообще и о южнорусской в особенности” (Москва, 1814 г., 55-56 стр.). Одно из лучших звеньев, соединяющих отдельные части русского народа находит Венелин

в правописании, которое „должно быть постоянно: писать как уже раз принято и повсеместно писать одинаково — тем более, что — правописание, принятое русскою литературою принадлежит не одной Северной Руси, но и Южной: поэтому оно русское не по преимуществу, но общерусское”. — Не то говорит Венелин о великорусском наречии, как о литературном общерусском: оно литературное общерусское par excellence, подобно как французский langue d'oïle, завладевший наукой, литературой и образованным обществом вместо langue d'oc. И народ понимал это громадное значение единого литературного языка, стремясь инстинктивно к объединению. „Беда, — заключает он, — когда мелкий язык раздроблен на наречия; там тогда на всякой почти десятой версте находятя карантинны и таможенны, препятствующие обмену мыслей и ощущений. Такой народ не может развиваться и ознаменовать свое бытие на поприще историко-политическом” (№ 10).

„Если Венелин знакомил московских ученых и литераторов с Карпатской Русью, то выводы об единоплеменности и о культурно-литературных связях играли в этом ознакомлении не ничтожную роль. В этом отношении Венелин не только продолжал начатое своим земляком Орлаем дело, но и превзошел его, так как расширил и старался обосновать вопрос об единстве русских племен, что и должно было только усилить ученый интерес севернорусов — непосредственно познакомиться с Карпатской Русью”.

Изложив деятельность угро-руссов И.С. Орлая, М.А. Балудьянского, П.Д. Лодия и Ю.И. Венелина в России, теперь перейдем к рассмотрению русского периода в литературном развитии Угорской Руси.

IV. РУССКИЙ ПЕРИОД. В половине XIX столетия наступило национальное возрождение Угорской Руси, и писатели стали употреблять вместо чужих языков латинского и мадьярского, родной русский язык.

Из деятелей литературы русского периода должны быть отмечены: А.В. Духнович, А.В. Попович, И.И. Раковский, Иоанн Дулишкович, А.И. Добрянский-Сачуров, А.И. Павлович, Анатолий Кралицкий, И.А. Сильвай (Уриил Метеор), Александр Митрак (Материн), Е.А. Фенчик, Ю.И. Ставровский (Попрадов) и Е.И. Сабов.

Александр Васильевич Духнович (1803-1865), первый по времени писатель общерусского направления в Угорской Руси, родился в селе Тополе. Среднее образование получил в Кошицкой гимназии, а богословское — в Ужгороде. Сперва служил помощником секретаря в Мукачевской консистории, а с 1843 года сделался каноником Пряшевского собора и занимал эту должность до самой смерти. Посвящая себя работе над просвещением угро-русского населения, А.В. Духнович прежде всего озаботился об устройстве типографии, в которой можно было бы печатать полезные для народа книги. По этому вопросу он обратился в

1851 году в Ужгородскую консисторию, предлагая ей учредить книгопечатню при Мукачевском монастыре. Однако, этот план писателя не мог тогда осуществиться, так как после революции 1848 года австрийские власти весьма подозрительно относились даже к малейшим проявлениям национального самосознания среди подвластных народностей. Но первая неудача не остановила А.В. Духновича, и он продолжал трудиться для просвещения и возрождения Угорской Руси. Прежде всего он издал в Вене (на 1851 и 1852 годы) литературный сборник „Поздравление Русинов“. Затем А.В. Духнович печатает свои календари под заглавием „Месяцесловы“. В 1850 году появилась в Перемышле его драма — „Добродетель превышает богатство“, которая тогда же была разыграна учениками во многих народных школах. Для начальных школ им изданы также: „Краткий землепись“ и „Катехизис литургический“ (вышли в Будапеште в 1851 году). Для учителей им напечатана „Народная педагогика в пользу училищ и учителей сельских“ (Львов, 1857 г.), для простого народа — молитвенник „Хлеб души“ и, наконец, для интеллигенции — „Сокращенная грамматика письменного русского языка“ (Будапешт, 1853 г.).

А.В. Духнович занимался также историей Угорской Руси и написал две работы (изданные уже после его смерти): „История Пряшевской епархии“ (рукопись помечена 1846 г., издана в Петрограде в 1877 г.) и „Истинная история карпато-россов“ (рукопись помечена 1853 г., впервые напечатана нами в Москве в 1914 году).

Когда А.В. Духнович принялся за составление „Истинной истории карпато-россов“, то у него было всего три предшественника: Базилович, Орлай и Лучкай. Трудami этих писателей Духнович мог воспользоваться лишь отчасти, потому что сочинение Иоанникия Базиловича успело уже тогда устареть, статья И.С. Орлая была посвящена, главным образом, древнему периоду угро-русской истории (т.е. до эпохи князя Феодора Кариатовича), а рукописные сочинения Михаила Лучкай, вероятно, не были даже известны нашему автору, так как он нигде на него не ссылается.

Что же касается мадьярских предшественников (Прай, Катона, Бардоши и Сармай), то их сочинения мало пригодны для историка Угорской Руси по двум причинам: во-первых, они лишь мимоходом касаются угро-русской истории, обращая главное внимание на историческое прошлое мадьяр, и, во-вторых, изложение часто не отличается научным беспристрастием, когда речь идет о событиях, имеющих место у немадьярских народностей.

Таким образом, А.В. Духновичу оставалось лишь одно — самостоятельно изложить историю Угорской Руси, или, по крайней мере, наметить важнейшие моменты ее исторической жизни. Это он и попытался сделать в своей „Истинной истории карпато-россов“ (см. Ф. Ф. Аристов — „Значение А.В. Духновича,

Александр Васильевич Духнович

как угро-русского историка”, „Русский Архив”, Москва, 1914 г., кн. 2, стр. 144-155).

Главная заслуга А.В. Духновича состоит в том, что он, в противоположность Базиловичу и Лучкаю, впервые в Угорской Руси, изложил ее историю по-русски и тем самым сделал ее доступной не только узкому кругу ученых людей, а каждому грамотному человеку. Уже самое заглавие этого сочинения указывает на то, что автор задался целью написать истинную историю угро-русов, которая опровергла бы тенденциозные взгляды мадьярских, немецких и других иноземных историков; А.В. Духнович действительно смело поставил многие вопросы, за что, вероятно, навлек бы на себя гонения, в случае выхода „Истории” в свет, как это, напр., имело место при издании его „Литургического катехизиса”. Все сочинения А.В. Духновича имели для будущих поколений угро-русов большое воспитательное значение, пробуждая в них любовь к родине и стремление трудиться для ее процветания. Поэтому и при составлении своей „Истинной истории карпато-русов” автор обратил главное внимание не на метод и строгую научную обработку исторического материала, а на ознакомление читателей с теми моментами угро-русской истории, которые имели наиболее точек соприкосновения с сов-

ременной действительностью. Впрочем, в эпоху А.В. Духновича нечего было и думать о строго-научной обработке угро-русской истории, так как не были еще исследованы важнейшие материалы, за опубликование которых принялись только в XX веке.

Кроме издания разного рода книг, предназначенных для нужд школы и вообще народного образования (буквари, молитвенники, календари и руководства для учителей; к этому же роду литературы относится и оставшаяся в рукописи „Истинная история карпато-россов”), прозой написаны еще драма („Лобродетель превышает богатство”) и многочисленные корреспонденции из Пряшева, помещенные в различных повременных изданиях.

Все свои художественные произведения А.В. Духнович писал по-преимуществу в стихах. К сожалению, его стихотворения, рассеянные по многим сборникам и журналам, до сих пор не собраны в отдельной книге. Из поэтических произведений А.В. Духновича более всего известны его подражания народным песням и стихотворения с национально-политической окраской. Одно из них — „Я русинъ былъ, есмь и буду” было положено на музыку и до мировой войны считалось народным гимном Угорской Руси. В качестве образца приводим начало этого стихотворения:

Я русинъ былъ, есмь и буду,
Я родился русинѡмъ,
Честный родъ мой не забуду,
Останусь его сынѡмъ.
Русинъ мой отецъ, мати,
Русская вся родина,
Русины сестры, братья
И широка дружина.
Великій мой родъ и главный,
Миру есть современный,
Духомъ и силою славный
Всѣмъ народамъ пріемный
и т.д.

Таким образом, А.В. Духнович был одновременно педагогом, историком, публицистом, драматургом и поэтом. Свои произведения он писал как на местном угро-русском наречии, так и на общерусском литературном языке; первые предназначались для простого народа, а вторые — для образованных читателей.

Вообще, Александр Васильевич Духнович — самый популярный и любимый в Угорской Руси писатель, составивший целую эпоху в её умственном развитии. Когда Угорская Русь, в результате мировой войны, освободилась от мадьярского владычества и, под именем Подкарпатской Руси, была присоединена к Чехо-Словакии, то в Ужгороде было основано „Культурно-Просветительное Общество имени А.В. Духновича” (председателем состоит маститый Евменій Иванович Сабов).

Андрей Васильевич Попович родился в 1809 году в Текегазе, где отец его был священником; гимназический курс прошел в Мараморош-Сиготе и Сукмаре, а богословское образование получил в Ужгороде. В 1833 году был рукоположен в священники и назначен приходским сотрудником в Гайду-Дороге; затем состоял вице-ректором Ужгородской семинарии, после чего назначен благочинным в Велико-Березницкий приход. В 1852 году он занял в Ужгороде должность заведующего приютом для сирот священнослужителей и преподавателем богословия. В 1856 году он перешел в Велико-Копанский приход. В 1888 году ему был пожалован за труды золотой крест. Умер А.В. Попович в глубокой старости.

Все свое внимание он обращал на просвещение простого народа и в этом достиг огромных результатов: в его приходах все крестьяне умели читать по-русски.

В 1852 году А.В. Попович издал букварь „Верный Ангел”; кроме того, ему принадлежат следующие сочинения: „Маленькая библия” (1847 г.), „Великая Библия” (два тома, 1859 г.) и „Церковный Сборник” (1864 г.), в котором он изложил весь Октаих, Минею, Триодь постную и цветную и Часослов для простого народа.

Иван Иванович Раковский (1815–1885) родился в селе Ставном, первые шесть классов семинарии прошел в Ужгороде, седьмой же и восьмой — в Кошицах. Богословское образование получил в Ужгородском лицее. В 1837–1838 годах служил в качестве делопроизводителя епископской канцелярии, затем был пострижен и определен на должность чтеца при домово́й церкви епископа.

В 1839 году был рукоположен в пресвитеры и определен в качестве настоятеля прихода в Вышнюю Рыбицу, где провел пять лет (1839–1844 гг.). В 1844 году получил место вице-директора Ужгородской духовной семинарии, которое занимал до 1850 года. В период времени с 1850 до 1859 года был переводчиком государственных законов на русский язык, и тогда же редактировал „Церковную Газету” (1856–1858 гг.) и „Церковный Вестник” (1858 г.). В 1859 году определен приходским священником села Изы, где прослужил 25 лет и умер 21 ноября (3 декабря) 1885 года.

Иван Иванович Раковский был образцовый священник: его приход славился русским национальным самосознанием и преданностью восточному христианству. После смерти И.И. Раковского, прихожане села Изы оставили навязанную унию и открыто перешли в православие, чему последовали и многие другие села. Когда же подросло молодое поколение, то православное движение приняло массовый характер в Угорской Руси, что вызвало бешенный террор мадьярского правительства, обвинившего всех

Иван Иванович Раковский

православных угро-руссов в „государственной измене” и затеявшего чудовищный судебный процесс, закончившийся в 1913 году²⁾.

И.И. Раковский много положил забот на составление учебников, издав, напр., на мадьярском языке **„Русскую грамматику”**, которая должна была научить русской грамоте забывших свой родной язык угро-русских интеллигентов; им же была составлена для народных школ **„Арифметика”**.

Главная заслуга И.И. Раковского, как писателя, состоит в том, что он больше всех других угро-русских писателей и народных деятелей потрудился над распространением в Угорской Руси общерусского литературного языка. По этому вопросу он высказался следующим об-

²⁾ „... на практике либеральный принцип веротерпимости не применялся к православию. Так, можно было переходить ... даже в иудейство, но не в православие. ... пред судом предстали о. Алексей (Кабалюк) и 94 его последователя. Несмотря на выяснившуюся на суде полную несостоятельность обвинительного акта, все-таки о. Алексей и наиболее убежденные православные угро-руссы были приговорены на разные сроки (от 6 мес. до 4,5 лет) тюремного заключения.” См. Ф.Ф. Аристов. „Карпаторусские писатели”. Т. 1, М. 1916, стр. 133–139. — *Примечание издателей.*

разом: „Наша Угорская Русь никогда ни на минуту не колебалась заявить свое сочувствие к литературному соединению с прочею Русью. У нас, так сказать, никогда и вопроса не было по части образования какого-нибудь отдельного литературного языка. Все наши писатели с самого начала вступления на поприще распространения народного просвещения руководились одной мыслью, имеющею целью литературное объединение. Сия мысль столь овладела нашими писателями, что они, можно сказать, были постоянными подвижниками великой идеи о всеславянском литературном соединении, получившей в настоящее время торжественное освящение в славянском мире” (газета „Свѣтъ”, Ужгород, 1868 г., № 43).

Иоанн Дулишкович (1815–1883) родился в семье священника, в Галятине, в Мараморошском округе. Ученье начал в 1825 году в Ужгороде, „философию” (7 и 8 классы гимназии) прошел в Кошицах, а богословское образование получил в Ужгороде.

В 1841 году был рукоположен в священники и получил место настоятеля прихода в Скотарском (1841–1848 гг.), а потом в Вышних-Верецких, (1848–1850 гг.), откуда переведен в Нижние-Верецки (1850–1860 гг.), а в 1869 г. — в Чинадеево. Впоследствии он состоял благочинным в Нижне-Веречанском и Чинадеевском округах. Все свободное от служебных занятий время Иоанн Дулишкович посвящал собиранию материала по истории Угорской Руси, результатом чего явился его труд „Исторические черты угро-русских” (Ужгород, 1874, 1875 и 1877 гг., всего три тома). Часть его до сих пор еще остается в рукописи. В этом сочинении собран огромный фактический материал.

Адольф Иванович Добрянский-Сачуров (1817–1901) родился в селе Рудлеве, Земплинского округа, где его отец был настоятелем прихода. Среднее образование получил в гимназии (в Левоче, Рожнове, Мишковце и опять в Левоче), а высшее — по двум факультетам: философскому (в Кошицах и Ягре) и юридическому (в Ягре). По окончании университетских наук, Адольф Иванович отправился в Шавницу и поступил в Горную и лесную академию, в которой и прослушал полный, четырехгодичный, курс.

В 1840 году был назначен практикантом в Виндшахту (около Шавницы), а в 1842 году его сделали там же кунстофицером. В 1846 году А.И. Добрянского вызвали в Вену для слушания высшей математики, механики, архитектуры и практических занятий в мастерских Венско-Глокницкой железной дороги под руководством лучших специалистов-инженеров. В 1847 году Адольф Иванович был командирован в Чехию, где ему удалось открыть каменно-угольные копи. В бытность в Чехии он познакомился с деятелями Славянского Возрождения, что еще более укрепило его славянофильские воззрения.

В 1848 году А.И. Добрянский вернулся в Угriu. Магьяры, видя в Адольфе Ивановиче предводителя всех угорских славян,

Адольф Иванович Добрянский-Сачуров в 1866 г. По фотографии Боршоша и Доктора в Будапеште

хотели его схватить и предать казни. Поэтому ему пришлось спастись бегством в Галицкую Русь, где он был принят с большим почетом.

В 1849 году А.И. Добрянский был назначен гражданским комиссаром при русской армии, занявшей Угriu. При селе Ардане (близ Великого Варадина) ему пришлось присутствовать при приеме русским генералом графом Редигером мадьярской военной делегации, которая от лица

всей армии просила о присоединении Венгрии к России.

В том же 1849 году Адольф Иванович был назначен вторым окружным докладчиком (референтом) и правителем канцелярии в Ужгород. Деятельность А.И. Добрянского на этом поприще была весьма плодотворна для Угорской Руси.

В 1857 году ему было пожаловано рыцарское достоинство с прибавлением к фамилии „Сачуров”.

В 1864 году А.И. Добрянский-Сачуров был назначен советником-докладчиком угорской придворной канцелярии в Вене. Необходимо заметить, что до введения дуализма (в 1867 г.) должность эта соответствовала должности министра.

В 1865 году Адольф Иванович был избран от Шарыша депутатом угорского сейма, в котором оставался до конца 1868 года. С 1869 по 1881 годы А.И. Добрянский-Сачуров провел в своем имении Чертежном. За это время он издал следующие сочинения: „Проект политической программы для Руси австрийской” (1871 г.), „Патриотические письма” (1873 г.), „О западных границах Подкарпатской Руси, со времен св. Владимира” (1880 г.), „Ответ угро-русского духовенства Пряшевской епархии своему епископу” (1881 г.) и „Апелляция к папе от имени угро-русского духовенства Пряшевской епархии по вопросу о ношении униатскими священниками бороды” (1881 г.).

В 1881 году Адольф Иванович переехал во Львов, чтобы стать во главе народной работы, о чем его просили лучшие представители Галицкой Руси. В январе 1882 года он был вместе с другими галицко-русскими патриотами арестован и посажен в тюрьму по обвинению в мнимой государственной измене, ставящей якобы своей целью отторжение от Австрии Галичины для присоединения ее к России. Через полгода состоялось судебное разбирательство, во время которого Адольф Иванович в своей замечательной речи подверг обвинительный акт убийственной, уничтожающей критике. После судебного оправдания А.И. Добрянский-Сачуров на другой же день покинул Львов и переселился в Вену.

В Вене он прожил пять лет (1882-1887 гг.) и за это время напечатал следующие сочинения: „Апелляция И.Г. Наумовича” (1889 г.), „О современном религиозно-политическом положении австро-угорской Руси” (1885 г.), „Наименование австро-угорских русских”³⁾ (1885 г.), „Материалы для памят-

³⁾ „... А.И. Добрянский констатирует, что все русские люди Австро-Угрии и России называют себя в муж. роде „русин”, „руснак” или „русский”, в ж.р. только „руска”, и каждый из них „утверждает, что говорит „по-русски”, нисколько даже не подозревая того — если его этому не учили в школе, — что филологи и этнографы стараются различать друг от друга велико-, мало-, бело-, червоно- и черно-руссов”. — См. Ф.Ф. Арис-

ной записки галицких русских" (1885 г.), "Программа для проведения национальной автономии в Австрии" (1885 г.), "В день праздника св. великомученика Димитрия" (1886 г.) и "Разъяснение к истине" (1887 г.).

В 1887 году А.И. Добрянский-Сачуров переселился из Вены в Тироль, в гор. Иннсбрук. Здесь он, как и в Вене, продолжал свою правильную трудовую жизнь, был руководителем иннсбрукской славянской молодежи, следил за всеми выдающимися событиями в славянском мире и напечатал следующие свои труды: "Взгляд А.И. Добрянского на вопрос об общечеловеческом языке" (1888 г.), "По истине" (1888 г.), "К разъяснению защиты греко-славянской церкви со стороны апостольского римского престола" (1888 г.), "Партийная жизнь славян в Чехии" (1889 г.), "Римско-немецкая империя Гогенцоллернов и греко-славяне" (1892 г.), "Календарный вопрос в России и на Западе" (1894 г.), "Плоды учения гр. Л.Н. Толстого" (1896 г.), "Куда мы дошли?" (1898 г.), "Суждение православного галичанина о реформе русского церковного управления, проектируемой русскими либералами нашего времени" (1898 г.) и "Где выход?" (1901 г.).

А.И. Добрянский-Сачуров умер в 1901 году в Иннсбруке и погребен в своем имении в Чертежном, в Угорской Руси.

Охарактеризовать в немногих словах значение деятельности этого выдающегося во всех отношениях человека довольно трудно. А.И. Добрянский-Сачуров прежде всего обладал энциклопедическим образованием и совершенно свободно писал на нескольких языках и по различным специальностям. Универсальностью своей природы он походил на А.С. Хомякова. Богословские труды Адольфа Ивановича ставили в тупик римский престол, принужденный идти на уступки перед неотразимой логикой и изумительной ученой эрудицией угро-русского автора. Наш святейший Синод не мог найти в России такого авторитетного богослова, который выступил бы против религиозно-философского учения Л.Н. Толстого; поэтому, когда за границей появились статьи А.И. Добрянского-Сачурова ("Плоды учения гр. Л.Н. Толстого"), то Синод по-просту переиздал их в двух книгах для русских читателей! Исторические познания Адольфа Ивановича также были настолько глубоки и обширны, что целый ряд русских профессоров обращались к нему за советами и указаниями. Как политический мыслитель, А.И. Добрянский-Сачуров первый в XIX столетии обратил серьезное внимание на разработку принципов автономии народностей в пределах многонационального государства. Прирожденный парламентский трибун, он должен был в

тов "Карпато-русские писатели", Т. 1, М. 1916, стр. 181. — *Примечание издателей.*

А.И. Добрянский-Сачуров в 1885 г. С портрета художника Феофила О. Глебовицкого

расцвете сил жить в почетном изгнании, вдали от горячо любимой родины. Пределы Угорской Руси, конечно, были слишком тесны для такого европейского масштаба деятеля, каким являлся А.И. Добрянский-Сачуров; поэтому он мысль переносил за искусственные политические границы, отделявшие Угорскую и вообще Карпатскую Русь от необъятной России. Даже больше: он верил, что иноземные государственные организации, раздробившие славянство на куски, лишь временное, преходящее явление, и поэтому считал себя гражданином будущей объединенной Славии! Идея общерусского единства и всеславянского объединения была основой всего мировоззрения А.И. Добрянского-Сачурова, который произвел на всех окружающих (не только друзей, но и врагов) неотразимое впечатление необыкновенной ясностью своего ума, непоколебимостью взглядов и цельностью всей натуры.

Александр Иванович Павлович (1819–1901), сподвижник А.В. Духновича и весьма популярный в Угорской Руси поэт. Среднее образование он получил в школах во Львове, Бардиове, Мишковце и Ягре, а богословское — в Тарнове. В 1848 году был рукоположен в священники, а с 1864 года и до самой смерти

Александр Иванович Павлович

(1901 г.) занимал приход в Свиднике. Начиная с 1848 года много работал для просвещения народа и принимал участие в разных угро-русских литературных изданиях. Хотя А.И. Павлович знал общерусский литературный язык и написал на нем несколько сочинений, однако, большая часть его произведений была составлена на шарышском наречии лемков. Самые удачные его сочинения — поэма „Дьячок” (написана на лемковском говоре). Кроме того А.И. Павлович собрал много простонародных песен и исторических преданий, часть которых напечатана в сборнике Я.Ф. Головацкого „Народные песни Галицкой и Угорской Руси”. В своих стихотворениях А.И. Павлович затрагивает национальные угро-русские и даже славянские темы. Большой известностью пользуется его стихотворение „Батькови Духновичу”, где автор определяет литературное значение А.В. Духновича для Угорской Руси.

О. Анатолий Кралицкий (1835–1894) родился в селе Чебинном, в Земплинском округе. В 1858 году был рукоположен в сан иеромонаха, затем определен в Мария-Повчанский монастырь, где состоял преподавателем церковной истории и канонического права, а в 1869 году был избран игуменом Мукачевского монастыря. О. Анатолий Кралицкий — весьма плодовитый и разносторонний писатель: он писал проповеди, исторические

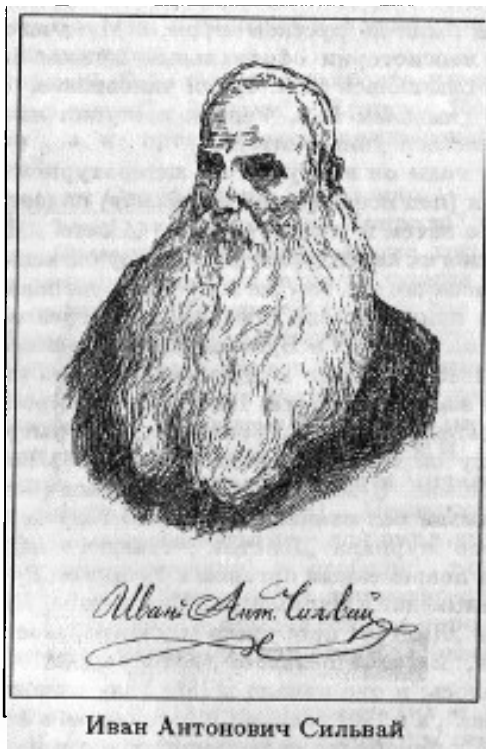

Анатолий Федорович Кралицкий

очерки, литургические объяснения, нравоучительные рассказы и статьи по сельскому хозяйству; собирал исторические материалы, касающиеся угро-русских монастырей, описывал народные обычаи и собирал плоды народного творчества: песни, сказки, заговоры и т.д. Наконец, открыл несколько неизвестных рукописных памятников угро-русской литературы. Очень интересны его „Воспоминания”, напечатанные (за подписью И. В.) в „Листке” за 1888 год.

Иван Антонович Сильвай, известный под псевдонимом *Уриил Метеор* (1838–1904), родился в Сусковом, деревне Бережанского округа, в семье приходского священника. Гимназический курс проходил в Ужгороде и Сатмаре, а богословское образование получил в Будапеште и Ужгороде. В 1862 году он принял сан иерея и вскоре стал сотрудником при своем отце, при котором провел девять лет (до его кончины), а затем занял место своего покойного отца. Из этого периода надо исключить только 1865 год, когда он временно был священником в приходе Дусино. В 1881 году И.А. Сильвай был перемещен из Сускового в Турьянско-Реметский приход, где и состоял до самой смерти (1904).

Рассказы И.А. Сильвая отличаются верностью изображаемых характеров и неподдельным юмором. Из них отметим особен-

но следующее: „Светлое Воскресение”, „Люди в железных шляпах”, „Крайцаровая [т.е. копеечная] комедия”, „Однодневное царство”, „Пупаки”, „Шестак”, „Вечная юность” и „Из-за одной рюмки водки”.

В России были напечатаны его статьи: „Положение угорских русских под управлением Стефана Панковича” („Славянский Сборник”, том 1, Петроград, 1875 г.) и „Угро-русская свадьба” („Родная Старина” за 1890 год). Из его стихотворений известны: „На поле жизни”, „Из-за гор” и многие другие.

Александр Митрак (псевдоним — *Материн*) является автором прекрасного очерка „Путевые впечатления на Верховине” и капитального „Русско-мадьярского словаря” (Ужгород, 1881 г.). Кроме того, он написал немало хороших стихотворений, из которых отметим: „На Верховине” („Горы наши, горы”) и „Добро тому богатому, кто родился паном”. Язык произведений Митрака отличается большой поэтичностью и чистотою.

Евгений Андреевич Фенцик (1844—1903) родился в селе Мартинке, Бережанского округа, в Угорской Руси. Гимназию он окончил в Ужгороде еще в те времена, когда в Угрии можно было открыто заявлять о своем русском происхождении, когда даже

названия улиц были на русском языке, в Мукачевской духовной семинарии и консистории официальным языком был русский и русская речь слышалась даже среди чиновников. По окончании Ужгородской гимназии Е.А. Фендик поступил на богословский факультет Венского университета.

Уже в эти годы он выступил на литературное поприще: его стихотворения (под псевдонимом *Владимир*) появлялись в галицком „Слове”, а затем в угро-русских — „Свете”, „Новом Свете”, „Карпате” и многих календарях. В 1869 году он женился на Марии Федоровне Васовчик и в том же году был рукоположен в священники, получив приход в селе Богеревнице, Бережанского округа. В 1871-1872 годах служил в Буковце, на Бережанской Верховине; с 1873 и до 1882 года был в Дусине; 1882-1894 годы служил в Порошкове, Ужанского округа; 1894-1902 годы пробыл в Великой Раковице, а затем перешел в Горинчево, где и умер в 1903 году.

В 1875 году он составил свою известную „Литургику”, изданную в Пряшеве. Немного позднее появился (без подписи) его роман „В отчизне без отечества”. В 1885 году он начал издание двухнедельного журнала „Листок”, ставшего на долгое время единственным повременным органом в Угорской Руси; с 1891 года выходило приложение к журналу под заголовком „Додаток к Листку”. Успехи „Листка” пробудили и ужгородское литературное „Общество св. Василия Великого”, которое в 1870-х годах почти совсем распалось, и оно начало в 1898 году издавать популярный журнал „Наука”, а в 1902 году преобразовалось в акционерное общество „Унио”, приобрело свою типографию и начало работать в области народного просвещения. Успехи „Листка” заставили также и мадыарское правительство издавать свою газету для народа под названием „Неделя”, на угро-русском наречии. Кроме того, Е.А. Фендик составил „Молитвослов”, выдержавший несколько изданий. Писатель пользовался большим уважением и влиянием не только среди угро-руссов, но и у мадыар. Так, он был приглашен в члены комитета, занимавшегося переводом церковнославянских книг на мадыарский язык; кроме того, правительство поручило ему перевести для школ мадыарскую хрестоматию Гиппара на русский язык, уплатив за этот труд триста золотых.

Е.А. Фендик умер в 1903 году, пробыл 35 лет священником и 18 лет редактором „Листка”, одушевленный всю свою жизнь одной идеей — спасти Угорскую Русь от мадыаризации, сохраняя и сблизая угро-русское наречие с общерусским литературным языком. После смерти Е.А. Фендика прекращается издание „Листка” и культурная жизнь сразу замирает, так как угро-русское население лишается талантливого и стойкого руководителя и защитника. Е.А. Фендик поддерживал народный дух своими глубокопродуманными проповедями, журналом, стихотворениями, проникнутыми русским национальным самосознанием, и интересными рассказами, содержание которых брал из местной жизни, умело

при этом осуждая пороки и поощряя хорошие стороны в жизни угро-русского населения.

Из стихотворений Е.А. Фенчика наиболее известны: „Вечность“, „Песня о песни“, „Мысли“, „Христос Воскрес“, „Радостные звуки“, а из прозаических произведений — рассказ „Нищие духом“.

Юлий Иванович Ставровский (псевдоним — *Попродо*) известен как автор рассказа „Очерки из Попрода“ и этнографического очерка „Ярмарка в Спеше“; кроме того он написал много хороших стихотворений, из которых должны быть отмечены: „Тоска по отчизне“, „Вечерний звон“ и др.

Евмений Иванович Сабов — священник, преподаватель церковно-славянского и русского языков в Ужгородской гимназии, составитель целого ряда ценных пособий для школ и самообразования, председатель „Культурно-просветительного Общества имени А.В. Духновича“ в Ужгороде. Из работ Е.И. Сабова должны быть отмечены: „Русская грамматика и читанка“ (1890 г.), „Библия для народа“ (с рисунками), „Церковно-славянская грамматика“ (на мадьярском языке — для омадьярившейся части угро-русской интеллигенции) и особенно, единственная в своем роде книга, — „Христоматия церковно-славянских и угро-русских памятников, с прибавлением угро-русских народных сказок на подлинных наречиях“ (Ужгород, 1893 г., стр. VIII+232 + 4).

В своей „Христоматии церковно-славянских и угро-русских памятников“ Е.И. Сабов не только дал образцы старо-печатных книг, народной словестности и наиболее ярких художественных произведений угро-русских писателей, но и нарисовал общую картину литературного развития Угорской Руси. Весь материал распределен в книге по трем отделам: 1) Памятники церковно-славянского языка древнего и нового; 2) Церковно-славянский язык под влиянием угро-русских говоров. — Памятники, в которых преобладает угро-русское наречие; 3) Отрывки из произведений угро-русских писателей с конца XVIII до конца XIX века. Здесь (на стр. 57–171) помещено 62 отрывка из произведений 47 писателей.

Вышедшая 35 лет тому назад, книга Е.И. Сабова должна быть переиздана, потому что отсутствие такого руководства сильно чувствуется в настоящее время, когда Подкарпатская (Угорская) Русь вступила в полосу новой национально-политической жизни.

В 1924 году издана в Ужгороде „Грамматика русского языка для средних учебных заведений Подкарпатской Руси“, составленная под редакцией Евм. Ив. Сабова.

Эта „Грамматика русского языка“ стоит вполне на высоте современных научных требований, составлена с большой любовью и вниманием к русскому литературному языку и проникнута идеей национально-культурного единства всех ветвей русского народа.

Необходимо также подчеркнуть, что в отношении правильности и литературности русского языка эта книга, в полном смысле слова, безупречна.

О характере данной „Грамматики русского языка“ дает представление обстоятельное и прекрасно написанное предисловие (стр. 1–6), из которого приводим следующую выдержку (в точности сохраняя правописание подлинника):

„Появлявшаяся до сих поръ въ Подкарпатской Руси грамматика церковно-славянскаго и русскаго языка (М. Лучкая 1830 г., И. Фогорошія 1833 г., А.В. Духновича 1853 г., А. Мразовича 1854 г., К.А. Сабова 1865 г., Л. Чопя 1883 г., Е.А. Фенчика 1886–1889 гг., Е. Сабова 1890 г., А.И. Волошина 1899 и 1907 г. и другія) старались быть на уровнѣ тогдашней науки о церковно-славянскомъ и русскомъ языкахъ, изрѣдка допуская уклоненія въ томъ или другомъ отдѣлѣ.

„Выпускаемая теперь грамматика написана въ новомъ грамматическомъ направленіи.

„Предназначаясь главнымъ образомъ для учениковъ средней школы, она имѣетъ въ виду познакомить ихъ 1) съ матеріаломъ русскаго языка (т.е. со звуками, формами и сочетаніями словъ) и 2) съ установленными уже наукой законами русскаго языка, по которымъ происходитъ соединеніе звуковъ въ словахъ, словъ въ предложеніяхъ и предложеній въ связной рѣчи. Такое ознакомленіе учащихся съ матеріаломъ и законами русскаго литературнаго языка облегчить имъ сознательное пользованіе русскимъ языкомъ, которому они практически учатся путемъ бесѣды съ окружающими и путемъ чтенія русскихъ книгъ.

„Такъ какъ разговорный русский языкъ въ той или другой степени отличается отъ литературнаго русскаго языка во всѣхъ мѣстахъ русской земли (въ Великороссіи, Вѣлороссіи и Малороссіи), то грамматика, предназначающаяся для опредѣленной мѣстности русской земли, должна обращать вниманіе на особенности мѣстной разговорной рѣчи для того, чтобы облегчить учащимся усвоеніе общаго русскаго литературнаго языка. Поэтому и выпускаемая теперь грамматика, предназначающаяся главнымъ образомъ для учащихся Подкарпатской (по прежней терминологіи, Угорской) Руси, обращаетъ въ необходимыхъ случаяхъ вниманіе на особенности устной рѣчи Подкарпатской Руси, возникшія подъ польскимъ, словацкимъ, мадьярскимъ и румынскимъ вліяніями, съ цѣлью устранить ихъ и облегчить усвоеніе литературной рѣчи карпаторусскихъ*) писателей А.В. Духновича, А.И. Павло-

*) Выраженіе „карпаторусскихъ“ слишкомъ широко, потому что охватываетъ не только Подкарпатскую (Угорскую), но также Галицкую и Буковинскую Русь; чувствуется недостатокъ прежняго прилагательнаго „угро-русскій“, которое заменить словомъ „подкарпатско-русскій“ было бы слишкомъ громоздко. (Примечаніе наше. Ф.Ф.А.).

вича, Е.И. Фенщика, Ю.И. Ставровскаго-Попрадова и других**), следовавших въ этомъ отношеніи за А.С. Пушкинымъ, Н.В. Гоголемъ, М.Ю. Лермонтовымъ и другими классиками русской литературы”.

В заключение даемъ краткую историческую справку о развитіи в Угорской Руси журналистики.

Родоначальникомъ угро-русской журналистики является Ив. Ив. Раковский, издававший в Будапеште „Церковную Газету” (1856—1858) и „Церковный Вестник” (1858).

С 1867 по 1871 годы „Общество св. Василия Великого” в Ужгороде издавало еженедельную газету „Свет”. Ответственнымъ редакторомъ был (1867—1869) Ю.Ю. Игнатков, а помощникомъ его — К.А. Сабов; в 1870—1871 гг. ответственнымъ редакторомъ состоял В.Ф. Кимак.

После прекращенія „Света” в 1871 году сталъ выходить двухнедельный литературно-сатирический журнал „Сова”. Издателемъ был А.И. Репаев, а редакторами — В.Ф. Кимак и К.А. Сабов. (№№ 1—3 „Совы” были напечатаны в Ужгороде, а №№ 4—5 — в Будапеште).

С 1871 по 1872 годы „Общество св. Василия Великого” в Ужгороде издавало еженедельную газету „Новый Свет”. Редакторомъ был Виктор А. Гебей.

С 1873 по 1886 годы выходила еженедельная газета „Карпат”, являвшаяся органомъ епархиальнаго начальства и „Общества св. Василия Великого” в Ужгороде. Редакторомъ-издателемъ „Карпата” был Н.Ю. Гомичков.

С 1885 по 1903 годы выходил в Ужгороде двухнедельный журнал „Листок”. С 1901 года при „Листке” давалось прибавление — „Додатокъ к Листку”. Редакторомъ обоихъ изданій был Е.А. Фенцик.

С 1898 по 1914 годы „Общество св. Василия Великого” в Ужгороде издавало журнал „Науку” и, какъ ежемесячное приложение къ нему, „Село”. Редакторомъ обоихъ изданій являлся Августинъ Ив. Волошинъ.

* * *

**) А.И. Павловичъ писалъ на местномъ наречіи, а Ю.И. Ставровский-Попрадовъ не игралъ крупной роли. Зато почему-то пропущены: И.И. Раковский, А.И. Добрянский-Сачуров, о. Анатолий Кралицкий, И.А. Сильвай (Урилъ Метеор) и, наконецъ, самъ почтенный редакторъ „Грамматики русскаго языка” — Евменій Ивановичъ Сабов. (Примечаніе наше. Ф.Ф.А.).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Библиографический указатель литературы предмета.
(Все фамилии и заглавия даются в правописании авторов).

Общие обзоры.

Ем. Ив. Сабовъ. Христоматія церковно-славянскихъ и угро-русскихъ памятниковъ, съ прибавленіемъ угро-русскихъ народныхъ сказокъ на подлинныхъ нарѣчіяхъ. Ужгородъ, 1893 г., стр. VIII+232 + 4.

А.Л. Петровъ. Памятники угро-русской письменности. („Журнал Министерства Народ. Просвѣщ.“, 1893 г., № 10, стр. 516-549; перепечатано въ „Статьяхъ объ Угорской Руси“, Петроградъ, 1906 г., стр. 21-50. Очерк проф. Петрова представляет отзыв о „Христоматіи“ Е.И. Сабова с указанием некоторых дополнений по части рукописей, старопечатных книг и произведений устной словестности; несмотря на значительный размер рецензии, А.Л. Петров совершенно ничего не говорит о выдающихся писателях Угорской Руси).

Ф.Ф. Аристовъ. Угро-русская литература. („Славянское Объединение“, Москва, 1915 г., № 5-6, стр. 99-112, с портретами; здесь дан сжатый очерк литературного развития Угорской Руси, при чем биографии-характеристики крупнейших угро-русских писателей составлены по первоисточникам, не использованным в свое время в „Христоматіи“ Е.И. Сабова).

Церковно-славянский период.

Акад. Е.Ф. Карскій. Славянская кирилловская палеография. Издание Академии Наук, 1928 г., стр. XIV+494; с 125 таблицами и многочисленными рисунками в тексте. (Капитальный труд, в котором указаны также и все исследования, относящиеся к памятникам кирилловского письма в Угорской Руси).

А.Л. Петровъ. Матеріалы для исторіи Угорской Руси. (7 выпусков; 1905-1914 гг.).

Латинский и мадьярский периоды.

Е.И. Сабовъ. Христоматія.

А.Л. Петровъ. Матеріалы для исторіи Угорской Руси.

Угро-русские писатели, работавшие в России.

Об И.С. Орлае — И.С. Сеньцицкій. Матеріалы по исторіи возрожденія Карпатской Руси. Львовъ, 1905 г., стр. 22-23.

О М.А. Балудьянскомъ (или Балугьянскомъ, как нередко пишут эту фамилию) — Проф. бар. А.Э. Нольде. „Балугьянскій, Мих. Андр.“ (очерк в Нов. Энци. Слов. Брокгауза-Ефрона, том 4, стр. 902); *П. Баранова.* М.А. Балугьянскій (брошюра). Петроградъ, 1882 г.; *И.С. Сеньцицкій.* Обзоръ сношеній Карпатской Руси съ Россіей въ 1-ую половину XIX века“. Изданіе Академіи Наукъ, Петроградъ, 1906 г., стр. 27.

О П.Д. Лодии — *И.С. Свѣнцицкій*. Обзоръ сношеній Карпатской Руси съ Россіей въ 1-ую половину XIX века". Изданіе Академіи Наукъ, Петр., 1906 г., стр. 27.

О Ю.И. Венелинѣ — *И.С. Свѣнцицкій*. Обзоръ сношеній Карпатской Руси съ Россіей въ 1-ую половину XIX века". Изданіе Академіи Наукъ, Петр., 1906 г., стр. 39-41; *акад. И.В. Ягичъ*. Исторія Славянской Филологіи. Изданіе Академіи Наукъ, Петроградъ, 1910 г., стр. 449-456 (здесь указана и важная литература; самая характеристика писателя носит пристрастно-отрицательный характер, в чем сознается и автор ее *акад. Ягичъ*, замечая на стр. 456): „Мой, нѣсколько строгій отзывъ о значеніи Венелина въ славянской наукѣ не раздѣляется многими болгарами, да и проф. Лавровъ, быть можетъ, съ нимъ несогласенъ” ...); *акад. П.А. Лавровъ*. Болгарская литература (очерк в Энциклопедическом Словаре Граната, том 6, стр. 202-219; о Венелине сказано на стр. 208-209); *акад. В.Н. Перетцъ*. „Ю.И. Венелинъ” в „Критико-биографическом словаре русских писателей и ученых” С.А. Венгерова, том 5; *проф. А.И. Яцимирскій*. „Венелинъ, Юрій Ивановичъ” (статья в Нов. Энциклопед. Словаре Брокгауза-Ефрона, том 10, стр. 106-108; с подробной библиографіей).

Русскій период.

Ф.Ф. Аристовъ. Карпато-русскіе писатели. Изследование по неизданнымъ источникамъ. Въ трехъ томахъ. Томъ первый. Москва, 1916 г. Томы второй и третий находятся в гранках и рукописи; в этомъ труде даны подробные биографии-характеристики, перечни всехъ сочиненій писателей и исчерпывающіе указатели литературы о нихъ).

Москва,
16 июня 1928 года.

Проф. Ф.Ф. Аристовъ.